

Василий Щукин

Kraków

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНА ВЛЮБЛЕНА В ЧЕРТА?

«Мартобря 86 числа, между днем и ночью»¹ герой *Записок сумасшедшего* титулярный советник Аксентий Иванович Поприщин записал в своей тетради следующие слова:

О, это коварное существо – женщины! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в черта. Да, не шутя. Физики пишут глупости, что она то и то – она любит только одного черта. Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездой? Совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему в звезду. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору, и говорят, что они патриоты, и то и сё: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Всё это честолюбие и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это всё делает какой-то цирюльник, который живет в Гороховой. Я не помню, как его зовут².

Влюбленность в черта – что всё это значит? Ведь если допустить, что черт – главный отрицательный герой во всем творчестве Гоголя (а на это имеются достаточно веские основания), то получится, что женщина – едва ли не его самая главная наперсница и союзница. Попытаемся разобраться в этой непростой проблеме.

Исследователи уже давно заметили не просто связь целого ряда гоголевских героинь с нечистой силой, но и то, что женские персонажи Гоголя этой силой являются, что «нечистость» в них непосредственным образом воплощена. Одним из первых заметил это Александр Амфитеатров³; подобным образом рассуждал Константин Мочульский, который писал, что герой *Невского проспекта* Писка-

¹ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 3, Москва 1949, с. 180. В дальнейшем ссылки на произведения Н.В. Гоголя приводятся по этому изданию, номера томов и страниц указаны в скобках.

² Там же, с. 181.

³ Ср.: «Это не красавицы человеческой породы, а – „нечистая сила,....» (А. Амфитеатров, *Женщины Гоголя (К 80-й годовщине кончины Гоголя)*, [в:] *Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя*, Москва 2003, с. 3.

рев гибнет «от силы женской красоты, от естественно присущего ей демонизма»⁴; а Лев Пумпянский даже нашел у Гоголя «оскорбительное представление о женщине как красивом предмете, собственно говоря, отсутствие женщины»⁵ в существе прекрасного пола, то есть отсутствие в ней нежности, душевного тепла и одухотворенной красоты. В последние годы к той же проблеме обратились Сергей Бочаров⁶ и Владислав Кривонос⁷ – авторы двух весьма содержательных работ, в которых «женский вопрос» в творчестве Гоголя рассматривается не только подробно, но и разносторонне, а главное, объективно, без попыток обвинить великого писателя в женоненавистничестве или, наоборот, оправдать его. Однако упомянутую проблему ни в коей мере нельзя считать исчерпанной. Поэтому я позволю себе добавить к тому, что было высказано моими предшественниками, несколько собственных соображений.

Осознание безусловной и непрременной влюбленности женщины в черта является вторым откровением, посетившим Поприщина после начала его сумасшествия: первым было датированное 43 апреля 2000 года открытие факта, что «пропавший» испанский король отыскался и что этот король – он сам. У провидческой идеи о едва ли не интимной связи женщины с чертом была своя предыстория. На что обращал особое внимание несчастный титулярный советник, безнадежно влюбленный в директорскую дочку? К примеру, на то, что в дождливый день, в самом начале всей этой истории, она спешит в карете в магазин. Герой не находит ничего лучшего, как прокомментировать этот поступок своей избранницы, усматривая в ее кокетстве общую черту всех женщин: «Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок» (3, 167). Спустя пять недель после этого происшествия он в очередной раз дает волю своему воображению, желая представить будуар и спальню предмета своей страсти. Для него это интимное женское пространство является как «рай, которого на небесах нет», но незримо присутствующий автор повести не дает себя обмануть, давая понять читателю, что этот «рай» уж больно материален – мало того, телесен, то есть, с точки зрения верующего христианина, нечист и грешен:

Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где ее пр-во, вот куда хотелось бы мне! в будуар, как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что идохнуть на них страшно, как лежит там разбросанное ее платье, больше похожее на воздух, чем на платье. Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет. Посмотреть бы на скамеечку, на которую она становится вставая с постели свою ножку, как надевается на эту ножку белый, как снег, чулочек... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчание (3, 172)⁸.

⁴ К. Мочульский, *Духовный путь Гоголя*, [в:] К. Мочульский, *Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва 1995, с. 16.

⁵ Л.В. Пумпянский, *Гоголь*, [в:] Л.В. Пумпянский, *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*, Москва 2000, с. 282.

⁶ С.Г. Бочаров, «Красавица мира». *Женская красота у Гоголя*, [в:] *Гоголь как явление мировой литературы...*, с. 15–35.

⁷ В.Ш. Кривонос, *Метаморфозы женского*, [в:] В.Ш. Кривонос, *Повести Гоголя: Пространство смысла. Монография*, Самара 2006, с. 201–220.

⁸ Герой *Шинели* Акакий Акакиевич Башмачкин, обзаведясь новой шинелью, рассматривает в витрине книжного магазина пикантную картину, весьма напоминающую «рай» Поприщина: «... изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную» (3, 139).

Когда герой *Записок* идет к собачке Фидели, чтобы «допросить ее», то входную дверь открывает ему «девчонка не совсем дурная собою с маленькими веснушками». «Она немножко покраснелась, – рассказывает Поприщин, – и я тотчас смекнул: ты, голубушка, жениха хочешь» (3, 173). «Хочет жениха», то есть испытывает смешанное со стыдом вожделение, по мнению героя, тело девочки. Даже Меджи, собачка женского пола, ведет себя подобным образом. Она пишет Фидели: «Если бы ты видела одного кавалера, перелезающего через забор соседнего дома, именем Трезора. Ах, ma chère, какая у него мордочка! [...] тоненькая, и на самом лбу белая лысинка» (3, 176).

Таким образом, любое женское существо, – по крайней мере по мнению Поприщина, а ведь он высказывает много сокровенных истин, под которыми подписался бы и сам автор, – в первую очередь телесно, и помыслы его телесны, а следовательно, не духовны, глупы и грешны. Но далеко ли ушел от этих существ сам герой? Напомню, что для Меджи он «какой-то урод», «совершенная черепаха в мешке» (3, 177). В связи с этим В.Ш. Кривонос вполне уместно заметил, что по народным представлениям, которым Гоголь придавал огромное внимание, уроды рождались от связи женщин с нечистой силой⁹. Получается, что Поприщин – сын женщины (влюбленной в черта) и самого черта. В конце концов, океан телесности, который он усматривает в женщинах – плод его собственных, а не одних лишь женских грешных устремлений.

Валерий Мильдон справедливо утверждает, что главная особенность гоголевского черта – отсутствие индивидуальности, серость и тривиальность. Этот черт вовсе не сеющий ужас злой дух – он бездуховен или даже антидуховен. Материальные потребности и желание быть незаметным на общем сером фоне заполняют всё его существование.

Бесовское заключено в том, – пишет исследователь, – чтобы единицу слить с неразличимым множеством и повисить плотность однородного [...]. Бесовское у Гоголя – синоним однородного («как все»), а потому дело беса – укреплять однородное, уменьшая человеческое¹⁰.

Ведь по-настоящему духовна только неповторимая, суверенная человеческая личность. Тогда человек имеет лицо и имя, а жизнь его приобретает смысл в тот момент, когда он осознает свое «я» и готов стать на его защиту в отважном противостоянии серому однородному полю отсутствия индивидуального духа и личной инициативы. С этой точки зрения конформистско-домостроевское «у нас так принято» и «у нас так не принято» – принцип не богоугодный, а богопротивный, бесовский.

Поприщин вызывает сочувствие, как и другой, похожий на него герой Гоголя – Акакий Акакиевич. Но есть и иная, гофмановская, инфернально-романтическая сторона этих образов. Оба они – обыкновенные, незаметные, ничем особым не выделяющиеся – «как все». Они не коллежские регистраторы, как пушкинский Сам-

⁹ В.Ш. Кривонос, *Метаморфозы женского...*, с. 208–209. См. также: М.А. Орлов, *История сношений человека с дьяволом*, Москва 1992 (репринтное воспроизведение издания 1904 г.); Л.Н. Виноградова, *Сексуальные связи человека с демоническими существами*, [в:] *Секс и эротика в русской традиционной культуре*, Москва 1996, с. 209–210.

¹⁰ В.И. Мильдон, *Эстетика Гоголя*, Москва 1998, с. 55.

сон Вырин – они титулярные советники, помощники столоначальника, а значит, без пяти минут потомственные дворяне¹¹. И эти герои вовсе не были обречены на крайнюю бедность, так как получали достаточное для одинокого человека жалование, а при желании могли заработать больше, переписывая бумаги дома. Жизнь титулярного советника была ужасна не оттого, что он был беден и занимал низшие ступени социальной пирамиды, а потому что на его долю выпало быть во всём средним – не слишком бедным и не слишком богатым, не видным аристократом, но и не последним плебеем, не сторожем каким-нибудь или, не дай Бог, лакеем, но и не экстравагантным барином в модном фраке, ловко вставлявшим в разговор парижские *bons mots*. Ведь как раз среднему человеку легче всего погрязнуть в серой медиократии, которая, по мнению немецких и не только немецких романтиков, была хуже нищеты, потому что представляла собою излюбленную область действий «мелкого беса», в которой ему было легче всего отнять у человека душу, превратив его, допустим, в тривиального Чичикова, «господина средней руки» – не красавца, но и не дурной наружности, ни слишком толстого, ни слишком тонкого... (5, 7).

Вернемся, однако, к тираде Поприщина о женщинах и черте. «О, это коварное существо – женщины!», – восклицает он, словно не замечая, что делает ошибку: ведь слово *женщины* множественного числа, а *существо* единственного. На самом деле это не ошибка, а указание на то, что все они составляют единое целое – некую недифференцированную массу, элементы которой лишены индивидуальности, а это, как уже было сказано, является главным атрибутом черта. К тому же далее следует загадочная фраза: «Физики пишут глупости, что она то и то – она любит только одного черта». По всей видимости, речь идет об амбивалентной, телесно-духовной натуре женщины, что было общим местом многочисленных «научных» рассуждений в европейских журналах эпохи позднего романтизма и раннего позитивизма. Не соглашаясь с такого рода дуализмом и мифотворчески заостряя свою преисполненную злости и досады мысль, Поприщин отрицает в женщине какую бы то ни было духовность и непорочность и утверждает, что она любит не Бога и черта одновременно или поочередно, а одного только черта. Болезненное воображение титулярного советника рисует черта стоящим за спиной у знатного и богатого толстяка со звездой. Слуга князя тьмы выступает в роли *alter ego* сего живого воплощения самодовольства, духовной пустоты и тщеславия. Выбранный героем (и, осмелюсь добавить, автором повести) символ тщеславия – орденская звезда на мундире – оказывается лучшим местом для черта. Черт манит к себе женщину из «честолюбивой» звезды. Эта звезда, этот честолюбивый толстяк, готовый за деньги и право на аренду продать мать, отца и Господа Бога, да и сам черт управляют миром и влекут к себе коварных женщин из-за того, что подкупленный кем-то (самим сатаной?) цирюльник с Гороховой¹² посадил маленького вредного

¹¹ До 1845 года потомственное дворянство могло быть пожаловано любому находящемуся на гражданской службе, начиная с восьмого класса (надворный советник). Поприщин и Башмачкин были чиновниками девятого класса.

¹² Важный литературный локус. На Гороховой улице жили Илья Ильич Обломов (и его создатель – Иван Гончаров), Парфен Рогожин и щедринские генералы, которых прокормил один мужик. В советские годы улица носила имя Феликса Дзержинского, так как в ее начале с 1918 года помещалась первая резиденция ВЧК.

червячка в пузырек, что спрятан у толстяка «под язычком». Опять-таки: виноват во всем не страшный дух зла, а невзрачная на вид, тривиальная материя зла – тело (червячок) и вещь (пузырек). Страсть к материальному, телесно-меркантильному началу – к железной звезде, ножке, чулочку – без всякого сомнения, результат козней дьявола. И не только «коварное существо – женщины» так легко соблазняются этой брэнной суетою, но и сам Поприщин, и еще целое множество похожих на него и на черепаху в мешке людей – сыновей и дочерей женщины и черта... Перед нами крайне пессимистическая картина рода человеческого, а то, что так видит мир сумасшедший, склонный к мифотворческим фантазиям и преувеличениям, не может ввести нас в заблуждение относительно того, что на самом деле мы имеем дело с гоголевской картиной мира или, по крайней мере, с одним из ее важнейших аспектов.

* * *

Действительно ли в мире Гоголя женщина влюблена в черта, то есть в безличность и бездуховность? А если это так, то почему? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем еще раз присмотреться к женским образам писателя, понять их сущность. Необходимо также определить, какой смысл вкладывал Гоголь в понятие влюбленности.

Прежде всего заметим, что женщина у Гоголя может быть необыкновенной красавицей («красавица мира», она же дама легкого поведения из *Невского проспекта*), существом глупеньким (приведу в пример Коробочку или жену городничего Анну Андреевну), может быть красавицей и глупенькой в одном лице (как украинские девушки из *Вечеров на хуторе*), или, наконец, старухой – помудревшей, но сильно измученной жизнью, как жена Тараса Бульбы. В его произведениях совсем немного женщин среднего возраста и средней красоты, что как раз могло бы указывать на их посредственность, связываемую с бесовским началом. Но с женщинами в мире Гоголя всё обстоит несколько иначе, чем с серенькими бесами мужского пола: там, где мужчина прячется в массовидность, женщина, наоборот, старается себя показать.

Ближе всего к нечистой силе расположены, конечно, красавицы. Красивые девушки и женщины у Гоголя, как правило, кокетливы. Они хотят понравиться и самим себе, и мужчине, которого они хотели бы заманить в свои сети и соблазнить, чтобы стать его «госпожой» и «хозяйкой» и, таким образом, удовлетворить свое тщеславие. Так ведет себя, к примеру, Оксана из *Ночи перед Рождеством*, которая любит себя собою, сидя перед зеркалом – известным символом игры, обмана и двойной истины. Девушка жеманится, поворачивая истину о себе то одной, то другой стороною, доказывая ее самой себе «от противного» и всё время притворяясь:

«– Разве черные брови и очи мои, – продолжала красавица, не выпуская зеркала, – так хороши, что уже равных нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? и в щеках? и в губах? будто хороши мои черные косы? Ух! Их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша!» и, отодвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: «Нет, хороша я!

Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

«Чудная девка! – прошептал вошедший тихо кузнец, – и хвастовства у нее мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух!»

– Да, парубки, вам ли не чета я? вы поглядите на меня, – продолжала хорошенькая кокетка, – как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидать богаче галуна! Всё это накопил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!.. (1, 102).

Заметим, что желая понравиться, Оксана обращает внимание на материальные, телесно-вещественные атрибуты красоты – брови, щеки, шею, косы, ленты, монието. Ни о каких достоинствах духовного характера нет и речи. А если девушка сама вдруг влюбляется, то лишь тогда, когда чувствует, что она понравилась парню: как бы не для него, а для себя – кстати, вопреки прочной традиции русской и мировой литературы, всегда изображавшей безусловно преданную и даже жертвенную женскую любовь. И в этом случае она также влюбляется «телесно» и в нечто телесное, как, например, Параска в *Сорочинской ярмарке*:

Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё продолжение пути, как вдруг слова: «ай да девушка!» поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетниковских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово. «Славная девушка!» продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. «Я бы отдал всё свое хозяйство, чтобы поцеловать ее. А вот впереди дьявол сидит!» (1, 12–13).

«Дьявол», который сидит впереди – это всего навсего Хавронья Никифоровна или Хивря, мачеха Параски. Но как «хитер», как двузначен гоголевский образ: черт сидит впереди красавицы! И хотя от этого веселого образа далеко до горячечной фантазии Поприщина, вообразившего черта в звезде на груди богатого толстяка, но трудно избавиться от мысли, что между этими мотивами есть скрытая смысловая связь. Впрочем, авторская ассоциация с настоящим чертом в *Сорочинской ярмарке* вполне возможна, коль скоро неясную грусть с легкой inferнальной подсветкой легко заметить в финальной, на первый взгляд оптимистической сцене танца (1, 33–35)¹³.

Еще более эгоистично и «телесно» влюбляется в кузнеца Вакулу Оксана – влюбляется в него только тогда, когда ее вдруг поражает мысль, что он мог обидеться на нее и, не приведи Господь, выбрать другую:

Но что, если он, в самом деле, ушел с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! он же так любил ее! он долее всех выносил ее капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого

¹³ Ср.: Ю.В. Манн, *Поэтика Гоголя*, [в:] Ю.В. Манн, *Творчество Гоголя: смысл и форма*, Санкт-Петербург 2007, с. 18–20.

бока на левый, с левого на правый – и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от нее самой, она почти вслух бранила себя. То, приутихнув, решалась ни о чем не думать – и всё думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца (1, 135–136; разрядка моя – В.Щ.).

Заметим еще одну интересную особенность: многие гоголевские красавицы в субстанциональном отношении не только подчеркнута телесны – они, как сказочная Жар-птица, летают, горят и сверкают огнем, и притом они легки, как перышко. Эта огненно-сверкающая, «воздушная», «газообразная» красота, которую древние греки обозначали словом *ἀγλαία* (ср. Аглаю Епанчину в *Идиоте* Достоевского)¹⁴, вполне соответствует исконно народному, языческому идеалу красоты¹⁵, но не может удовлетворить христианина. Красивую женщину у Гоголя часто сопровождает эпитет *легонькая* и сказуемые *летит*, *сверкает*. Ее красота часто обозначается как *огонь*, который «жжет душу» (Оксана в *Ночи перед Рождеством*). Однако этот огонь, как это ни странно, холодный. Душу украинского парубка или бедного петербургского художника (*Невский проспект*) жжет не огонь земной страсти – будущего материнства, излучаемый красавицей, а нечто *небесное* и даже *белоснежное*, оторванное от земли и земной телесности. К тому же легкость красавицы чаще всего сочетается с ее легкомыслием и неукротимым любопытством, которое губит и ее, и ее избранника. Недаром Левко из *Майской ночи* с досадой замечает: «Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит черт, подстрекающий их любопытство» (1, 55). Легкомыслие и любопытство, так же как сребролюбие, сладострастие и чревоугодие – «подарки» черта. Ведь и Хома Брут погиб от любопытства (не надо было смотреть на Вия!) и от пристрастия к земным утехам (не надо было любоваться панночкой, напиваться за обедом или баловаться люлькой).

Таким образом, если у мужчин бесовство проявляется преимущественно в безликости и серости, то «влюбленное в черта» существо женского пола поражает глаз призрачной легкостью и ложным блеском. Общей чертой в них является отверженность к вещности и материально-телесной и вещной стороне жизни. Настоящий черт у Гоголя всё время жуёт, чавкает, любит женскую плоть; в свою очередь, «красавица мира» любит модные украшения, деньги и мужскую плоть. Однако черт в предельном своем выражении не живой, а механический и металлический: у Вия «железное лицо». Лица гоголевских красавиц также не обладают характерностью: все они точно на одно лицо, а их плоть в предельном выражении предстает в виде эфемерного газа, а точнее – плазмы.

Может возникнуть вопрос: каким образом в натуре женщины примиряются столь разные начала, как телесность и «плазмообразная» небесность? Если стать на точку зрения гоголевского повествователя, то ответ на него оказывается достаточно простым. Когда женщина не любит, а только кокетничает, как бы в шутку заманивая мужчину в свои сети, чтобы удовлетворить собственное любопытство и тщеславие, она горит, сверкает и летит. Но когда она сама добивается любви кого-то, кто зажег в ней страсть, но отказался от нее или не обращает на нее внимания,

¹⁴ «Красованіе – (*ἀγλαία*) = красота, всякая вещь, обращающая красотой на себя внимание» (Прот. Г. Дьяченко, *Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)*, Москва 1993, с. 268).

¹⁵ Подробнее см.: А. Синявский, *Иван-дурак. Очерк русской народной веры*, Москва 2001, с. 10–18.

тогда просыпается ее горячая плоть, ее телесность – как у Оксаны, разметавшейся «в обворожительной наготе». Эфемерный полет и «холодный» огонь – это лишь притворство, игра, это лишь видимость настоящей женской красоты, это личина женщины. На самом деле за всем этим скрывается естественное желание выбрать себе красивого и здорового самца (не уроды, не «черепашу в мешке»), зачать от него и родить дитя. В этом то и заключается истинная женственность – к радости для «язычника» и к несчастью для догматически настроенного христианина. Гоголевские тексты не оставляют никаких сомнений насчет того, что их автор прекрасно понимал сущность этого закона природы, вызывающего неприятие у каждого спиритуалиста, склонного отождествлять земное начало с бесовским.

К счастью, Гоголь был далек от столь примитивной дихотомии материи и духа. Важной чертой подавляющего большинства его женских персонажей является возможность трансформации. С одной стороны, «небесная красавица» в *Невском проспекте* может оказаться циничной проституткой (правда, сохранившей остатки невинности и чистоты в душе), с другой же, ведьма в *Вий* может явиться в образе не только прекрасной, но и страдающей красы. Женщина-оборотень, способная предстать и божественным созданием, и дьявольским наваждением – весьма частое явление в мире Гоголя¹⁶, и это тоже увеличивает ее шансы влюбиться в черта.

Писатель не отождествлял всего земного с одним лишь дьяволом, а небесного с одним лишь Богом еще по одной весьма любопытной причине. Валерий Мильдон выдвинул на этот счет любопытную гипотезу, согласно которой в гоголевском мире существует одна сила, которая сильнее и человечности (то есть, по Гоголю, личного самосознания и добра-милосердия), и бесовства (то есть, как уже говорилось, бездуховности и безличия). Эта сила – не что иное, как земля, плодородная черная бездна, сначала рождающая, а затем пожирающая свои же плоды¹⁷. А плоды эти, они же дети земли – это и груши, и кавуны, и все люди, сходящие в могилу, и даже бесплотные духи, всевозможная небыть и нечисть. Более того, в глубоко пессимистическом (с христианской, но не с народно-языческой точки зрения) мирозерцании Гоголя Мать-сыра земля, подземелье, преисподняя сильнее самого Господа Бога. Колдуны и черти в *Вечере накануне Ивана Купала* боятся сами срывать цветок папоротника; в *Ночи перед Рождеством* они боятся лезть в мешок, потому что лезть в темноту для них всё равно что лезть назад в преисподнюю, где чертям вовсе не нравится. Всемогущий Вий весь покрыт черной землей, налипшей на его коренастое, кургузое, приземистое тело. Земля мешает ему действовать, тянет его веки вниз: она сильнее его. Черти, ведьмы и красавицы в мире Гоголя, как уже неоднократно упоминалось, охотно летают, но они страшатся силы земного притяжения и неизбежности могилы. Даже колдун в *Страшной мести* или роковая панночка в *Вий* в конце концов умирают и поглощаются землей.

Но ведь земля и имеющиеся в ней отверстия и провалы – ямы, пещеры, бездны, да и сама могила испокон веков служили символами главного женского архетипа, Magna Mater. В этих отверстиях древнее сознание видело естественные мета-

¹⁶ О «трансформизме», «сплошной превращаемости» как постоянной черте гоголевского мира см. также: М.Н. Виролайнен, *Ранний Гоголь: катастрофизм сознания*, [в:] *Гоголь как явление мировой литературы...*, с. 11; Ю.В. Манн, *Гоголь. Труды и дни: 1809–1845*, Москва 2004, с. 166.

¹⁷ В.И. Мильдон, *Эстетика Гоголя...*, с. 51–54.

форы порождающего материнского лона и вагины, из которой появилось всё живое и в которую всё когда-нибудь возвратится¹⁸. Земля и женщина-мать в данном случае выражают всемогущество природной материи, по сравнению с которой бессилён даже творящий новые миры Бог – фантастическое воплощение гордого мужского духа, мужской осмысленности и целеустремленности.

На мой взгляд, одной из многочисленных духовных трагедий, пережитых Гоголем, было то, что он так и не справился с проблемой оправдания материи и телесности. Телесности человека вообще и женщины в частности. Будучи гениальным художником, возросшим на скрещении языческого фольклора и литературы немецкого романтизма, с их культом стихий и богатейшей телесной метафорикой, он пожелал вопреки всему этому стать и христианским духовидцем, и просветителем Нового времени, верящим в человечность как гуманную осмысленность. Ортодоксальный христианин не любит телесности, он недооценивает или прямо порицает ее. А просветитель-рационалист презирает могущество стихий и мечтает о покорении природы. Обладая феноменальной интуицией, Гоголь видел в женщине не только любопытную кокетку и коварную соблазнительницу. Он понимал, что женщина соблазняет мужчину, подчиняясь вечному и могущественному инстинкту рожающего чрева. Чтобы породить новую жизнь, она, как и Мать-сыра земля, должна сначала соблазнить и отдаться. Однако как христианин и как просветитель, Гоголь так и не смог примириться с этим вечным законом природы.

Влюбиться – это также значит поступить согласно закону природы, а не всеосмысляющего и всесозидающего духа. Влюбленности же Гоголь боялся едва ли не больше всего на свете. «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать... – писал он в 1832 году А.С. Данилевскому, влюбленному в одну петербургскую красавицу. – К спасению моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть»¹⁹. Почему же сразу в пропасть – опять-таки в подземелье, в преисподнюю, в могилу (вагину)? Почему же заглянуть (то есть полюбопытствовать, как любопытствуют женщины, как полюбопытствовал ночью в церкви Хома Брут) – да и сразу пропасть?

По всей видимости, для Гоголя влюбиться означало потерять себя, потерять всё – личную свободу, независимость суждений и творчества, потерять собственную индивидуальность. Если мужчина, полюбив, отдается женщине не только телесно, но и духовно, он теряет душу или, как говорят психоаналитики, «самость» – вышний и наиболее сложный по структуре архетип своего бессознательного. А потеря самого себя – это и есть торжество черта над человеком, торжество безликой шаблонности над индивидуальностью. Вполне предаться предмету любви означало в таком случае добровольно дать поработить собственную душу. «И погиб казак!» – восклицает повествователь Тараса Бульбы, видя, как Андрий отдал душу во власть дочке польского воеводы.

¹⁸ Ср.: F. Altheim, *Terra mater*, Giessen 1931, с. 33–35; Е.М. Мелетинский, *Поэтика мифа*, Москва 1976, с. 207–208, 210–211, 249–251; Е.Г. Рабинович, *Земля*, [в:] *Мифы народов мира. Энциклопедия*, изд. 2-е, глав. ред. С.А. Токарев, т. 1, Москва 1987, с. 466–467.

¹⁹ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в четырнадцати томах*, т. X, Москва 1937–1952, с. 252.

Гоголь по сути дела не верил ни в облагораживающую силу материальной и, в частности, телесной красоты, а не одних лишь истины и добра, как верили в это Шиллер (*Письма об эстетическом воспитании*), Достоевский (*Г-н –бов и вопрос об искусстве, Идиот*), Глеб Успенский (*Выпрямила*) или Чехов (*Красавицы*)²⁰. Тем более автор *Вия* и *Невского проспекта* не верил в возвышающую душу человека силу сублимированной половой любви – Эроса, преодолевшего свое первоначальное стихийное вождление, как верил в это Владимир Соловьев, как верил ранний Лев Толстой, как верили Вячеслав Иванов и Василий Розанов²¹. Более того – Гоголь так никогда и не смог понять различия между влюбленностью как эротическим влечением к существу противоположного пола и глубокой любовью к женщине как к Другому Человеку. Первое из этих состояний (напомню: женщина не любит черта, а влюблена в него) могло представляться писателю сферой безраздельного господства телесности и «темных» инстинктов, которые, как бесы, только кажутся (притворяются) светлыми и даже сверкающими ярче солнца. Во всем его творчестве мы нигде не найдем «тихой» любви Пьера Безухова к Наташе Ростовской или Дмитрия Дмитрича Гурова к Анне Сергеевне. Теоретически Гоголь, по-видимому, признавал, что любовь к женщине может чудесным образом превратиться из деструктивной силы в конструктивную. Ведь кончается же победой игра с чертом «твердого христианина» Вакулы. Однако это сказка, а в реальной жизни – увы! – любовные истории чаще всего заканчиваются победой черта, если материальность и тривиальность возобладают над духовностью и жизнь превратится в бесконечную череду похожих друг на друга, сереньких, как бесенята, дней под боком у подурневшей сварливой жены...

Я вполне уверен в том, что Гоголь не раз «проигрывал» в своем воображении ситуацию ухаживания за понравившейся женщиной, сватовства и брака и не раз при этом воображал себя Подколесиним, который с удовольствием выпрыгнул бы в окошко, пока еще не поздно уйти из-под власти такого рода чертовщины. Во всяком случае, образ Подколесина – это гениальное открытие писателя, в котором он вплотную приближается к самой сущности психики мужчины, который на самом деле смертельно боится любой, даже самой «сладкой» зависимости и любой ответственности. Это давным давно понял проницательный Достоевский, который в самом начале четвертой части романа *Идиот* позволил себе высказаться на эту тему следующим образом:

Есть люди, о которых трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы их разом и целиком, в их самом типическом и характерном виде; это те люди, которых обыкновенно называют людьми «обыкновенными», «большинством» и которые, действительно, составляют огромное большинство всякого общества. Писатели в своих романах и повестях большею частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно, – типы, чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком и которые тем не менее почти действительнее самой действительности. Подколесин в своем типическом виде, может быть, даже и преувеличение, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умных

²⁰ Подробнее см.: В. Щукин, *О феноменологии красоты в творчестве А.П. Чехова. Рассказ «Красавицы»*, [в:] *Dzieło Antoniego Czechowa dzisiaj* (Studia Rossica XVI), redakcja naukowa A. Wołodźko-Butkiewicz i L. Lutevici, Warszawa 2005, с. 99–116.

²¹ Подробнее на эту тему см.: I. Malej, *Eros w symbolizmie rosyjskim (filozofia – literatura – sztuka)*, Wrocław 2008.

людей, узнав от Гоголя про Подколесина, тотчас же стали находить, что десятки и сотни их добрых знакомых и друзей ужасно похожи на Подколесина. Они и до Гоголя знали, что эти друзья их такие, как Подколесин, но только не знали еще, что они именно так называются. В действительности женихи ужасно редко прыгают из окошек пред своими свадьбами, потому что это, не говоря уже о прочем, даже и неудобно; тем не менее сколько женихов, даже людей достойных и умных, пред венцом сами себя в глубине совести готовы были признать Подколесиными [...]. Но, Боже, сколько миллионов и миллиардов раз повторялся мужьями целого света этот сердечный крик после их медового месяца, а, кто знает, может быть, и на другой же день после свадьбы²².

Согласившись с автором этих слов относительно того, что Подколесин представляет собою универсальный образ общечеловеческого значения, позволю себе еще раз выразить догадку, что этот образ был выстрадан Гоголем и нес на себе несомненные биографические черты.

* * *

В заключение остается лишь сформулировать свою собственную версию ответа на вынесенный в заглавие статьи вопрос: почему, по мнению многих гоголевских героев, а может быть, и самого Гоголя, женщина влюблена в черта?

Так обыкновенно бывает (я подчеркиваю: обыкновенно, но далеко не всегда, но ведь именно «обыкновенность», обыденность, по мнению Гоголя, более всего по душе черту), что женщина стремится связать свою жизнь с нормальностью, обещающей жизненную стабильность, но при этом обладающей внешней привлекательностью, эффектной, «изящной», способной пустить пыль в глаза. Внешняя привлекательность ей нужна затем, чтобы ее будущие дети были здоровы и красивы, а нормальность и стабильность – чтобы обеспечить им безопасность и достаток. Писатель понимал, что женщина призвана прежде всего рожать и заботиться о будущем потомстве, а лишь во вторую очередь она станет изобретать новую технику, строить величественные соборы или размышлять о смысле существования. Ее биологическая роль, ее телесность всегда будет важнее и могущественнее ее духовности. Подчиняясь первобытному инстинкту продолжения жизни, она будет искать полового партнера по запаху, форме рук и ног, по складу лица, носа или бровей. Одухотворенные чудачки с сомнительными перспективами здорового и удачливого потомства «нормальным» женщинам, как правило, не нужны. А неодухотворенная посредственность, притворяющаяся блестящим властелином жизни – это и есть гоголевский черт.

При этом Гоголь прекрасно понимал, что «нормальные» мужчины тоже поступают не лучшим образом, коль скоро его собственный отец женился на первой красавице Полтавщины, когда той едва исполнилось шестнадцать лет. Нет слов, мужчины еще как бывают влюблены в черта, иначе мы не узнали бы о существовании таких человеческих типов, как Иван Александрович Хлестаков или Павел Иванович Чичиков. И всё же есть основания полагать, что писатель старался поверить, будто бы одухотворенность в мужчинах проявляется чаще и с большим

²² Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Ленинград 1971–1990, т. 8, с. 383.

успехом, чем в женщинах, которые, рожая, стоят всё-таки ближе к сырой Матери-земле. Патриархально-христианская ортодоксия, которая оказывала на него огромное влияние, могла только утвердить его в этой вере.

Однако в индоевропейском фольклоре, а также в патриархально-христианской гетеродоксии, имевшей не меньше, чем ортодоксия, влияние на христианские представления о человеке, существовал устойчивый образ мудрой жены, популярный и на Западе, и на Востоке. Ярчайшим проявлением этого образа в древнерусской литературе явилась Феврония из знаменитой муромской легенды конца XV века. Немало мудрых жен и в русской литературе XVII века. И в этом нет ничего удивительного не только потому, что трудно себе представить христианство без культа Богородицы и Рождества (хотя христианское богословие утверждает, что дева Мария не родила Христа в физиологическом смысле этого слова, а лишь «произвела его на свет»), но и если принять во внимание почитание Св. Софии – Божьей Премудрости, наиболее загадочной, но и наиболее могущественной женской ипостаси центрального христианского божества.

Гоголь обходит стороной и Софию, и Богородицу. Более того: в его творчестве мы не найдем мотива женщины как невинной жертвы, ставшего одним из излюбленных в литературе Нового времени, начиная с *Бедной Лизы* Карамзина. Пушкинская Земфира, «сорока-воровка» Герцена, несчастные женщины Некрасова и многочисленных писателей натуральной школы, Соня Мармеладова, Катюша Маслова – ничего подобного в творчестве Гоголя нет. Нет в его произведениях и еще одного «сквозного» женского персонажа – женщины верной, серьезной, свято верующей в свой идеал и даже довольно часто носящей имя Вера (Вера Лиговская у Лермонтова, Вера Павловна Розальская у Чернышевского или героиня гончаровского *Обрыва*)²³.

И всё-таки среди гоголевских женских персонажей есть два исключения из неутешительного «общего правила» влюбленности в черта. Первое исключение – это Улинька Бетрищева, генеральская дочка из второго тома *Мертвых душ*. Создавая ее образ, писатель искренне стремился изобразить женщину своеобразную, не такую, как все. Своеобразие Улиньки заключается в ее активности, «стремительности». Любопытная деталь: пытаясь придумать мотивировку непохожести этой героини на других женщин, Гоголь не нашел ничего лучшего, как сообщить читателям *Мертвых душ*, что Улинька была сиротой и что воспитывала ее не русская няня, а англичанка. К сожалению, этот образ так и остался незавершенным.

Вторым исключением является поразительный образ дочери воеводы из *Тараса Бульбы*. Она лишь внешне напоминает панночку-ведьму, погубившую Хому Брута. Эта представительница якобы враждебного племени ведет себя на редкость достойно, отважно, не вешается на шею Андрию, не пытается его совратить, чтобы использовать в своих интересах. Она честно старается убедить его не совершать предательства. И, что в данном случае чрезвычайно важно: в тексте повести нет ни единого намека на связь «прекрасной полячки» с нечистой силой.

Единственной общей чертой дочери воеводы и дочери генерала Бетрищева является их иностранное, нерусское воспитание...

²³ О женских персонажах по имени Вера в русской литературе см.: В.Г. Щукин, *Верин текст русской литературы: заметки к теме*, [в:] *Славянские чтения IV*, Daugavpils–Rēzekne 2005, с. 52–65.

И как тут не вспомнить горькое признание Василия Розанова при виде русской смуты Anno Domini 1917–1918: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три [...] Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь?»²⁴.

Прав, однако, был не только «бес Гоголь», но и земной человек Гоголь. *Записки сумасшедшего* завершаются, конечно, сумасшествием («А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» – 3, 185), но непосредственно перед этим – воображаемое и желанное возвращение Поприщина домой, к матери, просьба приласкать, защитить. Земная жизнь заканчивается не Богом и не чертом, а тем, чем началась – родной землей и материнской грудью:

Дом ли то мой синеег вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его большую головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! Ему нет места на свете! его гонят! – Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. (3, 185).

Не был ли этот вопль исстрадавшейся души столь же «биографичным», как и бессмертный образ Подколесина?

Wasilij Szczukin

Dlaczego kobieta jest zakochana w diable?

Streszczenie

Akcenty Iwanowicz Poprisczin, domniemany autor i główny bohater *Pamiętnika wariata*, twierdzi, że kobiety są zakochane w diable. Analiza tekstu tego i innych utworów Gogola dowodzi, iż przez pojęcie diabła (diabelskości) należy rozumieć szarość, przeciętność, brak cech indywidualności, całkowite zwycięstwo ciała i materii nad duchem. „Naturalny” pociąg kobiety do tak pojętej diabelskości można zatem wytłumaczyć jako konsekwencję konieczności spełnienia przez nią swojej podstawowej roli biologicznej – urodzenia dziecka i zapewnienia mu bytu, co z kolei wymaga dokonania wyboru pięknego, zdrowego ciałem i dobrze usytuowanego w życiu, lecz przeciętnego duchowo partnera. Przez to „żywioł kobiecy” upodabnia się do potęgi Matki-ziemi, wiecznie rodzącej i pożerającej owoce własnego łona. Takie podejście do kobiety sprawiło, że Gogol przeszedł obok tak popularnych tematów literatury rosyjskiej jak mądra żona czy niewinna ofiara.

²⁴ В. Розанов, *Опавшие листья. Лирико-философские записки*, составление, вступ. статья А.В. Гулыги, Москва 1992, с. 471–472.

Vasily Shchukin

Why woman is in love with devil?

Summary

Akcenty Ivanovich Poprishchin, alleged author and the main character of *Diary of a Madman* claims women to be in love with the devil. Analysis of this text and the other works of Gogol leads to the conclusion that under the concept of devil (devilishness) one shall understand dullness, mediocrity, the lack of individual features and total victory of flesh and matter upon the spirit. Woman's „natural” attraction towards devilishness perceived in this way can be explained as a consequence of the need to fulfill her main biological role – giving birth to a child and provide for it which in turn brings about the choice of handsome, healthy partner who is well off but average at heart. As a consequence, „woman's element” starts to resemble the power of Mother Earth constantly giving birth and devouring fruits of her bosom. Such an approach towards woman made Gogol avoid so popular themes in Russian literature as wise wife or innocent victim.